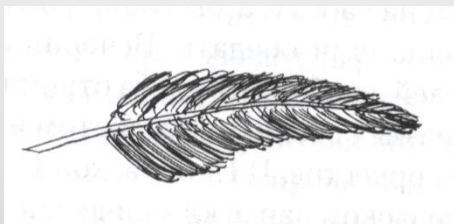

Память о войне

Из цикла «Дети войны»

**Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые ...
Война гуляет по России
А мы такие молодые**

(Д. Самойлов)

Огонек в избе к гибели

Николай Алексеевич Шибанов родился в 1925 году и всю жизнь прожил в деревне Лобаново. Построил дом, создал семью, вырастил дочь и двух внуков. Рассматривая старые фотографии военных и послевоенных лет, он узнает среди лобановских колхозников себя, брата, товарищей, многих из которых уже нет. Тяжело вздыхает и начинает свой рассказ: работаем мы в поле, прибегают и зовут колхозников слушать в двенадцать часов выступление Молотова. Собрались возле правления и из «черной тарелки» слышим – война!..»

Николаю шел шестнадцатый год. Ходили с ребятами в Дедовск и занимались военной подготовкой на стадионе – разбирали и собирали ружья, учились кидать гранаты. Продолжал трудиться в колхозе: Николаю нравилась работа в поле, хотя это был большой и тяжелый труд.

Первые вражеские налеты начались летом, сразу уничтожили несколько домов в деревне. По низколетящим немецким самолетам не было никакой ответной стрельбы – враги были полными хозяевами неба. Теткин муж Степан сказал родителям: «Давайте строить землянку». Отырыли по всем правилам защитное сооружение, где и стали укрываться. Землянку соорудили на две семьи. Соседи сначала над ними смеялись, но когда начался налет, возникла страшная паника, дома горели, и в эту землянку набилось столько народу, что сам Николай не смог туда протиснуться. Поэтому он решил выкопать себе отдельное убежище, оборудовал его и там спал по ночам. Другие жители последовали его примеру.

*Николай Алексеевич
Шибанов*

Огонек в избе к гибели

«Сторожил я однажды с собаками урожай пшеницы, - рассказывал Николай Алексеевич, - выдали мне ружье и поставили на пост: боялись, что при бомбежке немец кинет бомбу-зажигалку. Пшеница очень сухая. Бомбу самолет сбросил в нескольких сотнях метров от поля. Только обдало волной, страшно перепугался Тузик. Оказалось, что кто-то из нерадивых хозяев нарушил светомаскировку, поэтому и сбросили бомбы. Ведь огонек в избе – к гибели. После этого случая вся деревня стала еще тише, внимательнее, еще глубже закопалась в землю».

Ребята постарше пошли работать на военную базу в Павловскую Слободу. Сергей Соколов позвал работать и Николая Алексеевича. В кадрах парня встретили настороженно: «Куда ты, очкастый?» Желающих поработать было много, выбор был. Но все-таки приняли учеником слесаря в седьмой цех по ремонту станков. Ремонтировали «ДИП-200» токарно-винторезный станок, который в народе переводили как «Догоним и перегоним!».

Работали с восьми утра и до восьми вечера в 1942 году, а осенью 1943 года приехали большие воинские начальники и поставили срочное задание – сделать станок, на котором можно вытачивать ложе для стрелкового оружия. Не было чертежей этого станка, никто его не видел. Нашли инженера, который по памяти рисовал эскизы узлов и деталей станка, их тут же стали изготавливать. Работали день и ночь, - вспоминал Николай Алексеевич, - в два-три часа ночи уходил домой, а к восьми утра уже снова был на рабочем месте. Страшно торопились. Материалы и подходящие детали собирали со всех заводов Москвы, на месте их подгоняли. Вскоре станок был готов и после наладки начал выпускать недостающие для сборки винтовок детали. После такой работы здоровье ухудшилось, рука стала болеть».

Александр Николаевич Гольцев, методист Павло-Слободского КДК

«Мама так и лежала, запорошенная снегом»

Моя мама, Татьяна Егоровна Болезнова, погибла в декабре 1941 года (похоронена в огороде храма в селе Рождествено). Мне тогда был 1 год и 3 месяца, и, конечно же, я войну не помню. Знаю ее лишь по рассказам непосредственных участников: Ксении Егоровны Лепешкиной и многих других.

Придя в Рождествено, немцы выгнали всех из домов. Бабушка моя не могла вылезти из окопа, ее оставили, а маму прогнали, хотя она была беременна вторым ребенком. Когда она с другими женщинами шла по улице, застрочил немецкий пулемет, и как раз угодил в нее и еще одну женщину. Меня же в это время несла другая девушка – это и спасло. Маму на ночь разрешили занести в один из деревенских домов, где у нее начались роды. У ребенка насчитали семь ранений.

Утром следующего дня всех жителей села погнали в сторону Истры, прикрываясь или как живым щитом. Маму положили окровавленную на железные колхозные сани, постелили солому и довели до деревни Крюково. А там, по приказу немцев, оставили в крайнем доме. Она бескровными губами шептала, чтобы меня к ней поднесли, но фашисты всех погнали дальше. Мама в великих муках умерла. Затем деревню стали поджигать, но, войдя в дом и увидев покойницу, немцы вынесли ее и положили на снег рядом с домом. Недели через две жители деревни вернулись в свои дома, а мама так и лежала, запорошенная снегом, никто ее не тронул, даже собаки. Женщины разгребли снег у церкви и в полуметровую могилу без гроба, положили ее в замерзшей окровавленной одежде. Отец в это время был на фронте. Меня отправили в детский дом. Училась в Саратовском медицинском училище по специальности фельдшер. Вышла замуж, родила двух детей.

Валентина Григорьевна Сысолятина (Болезнова), жительница села Рождествено

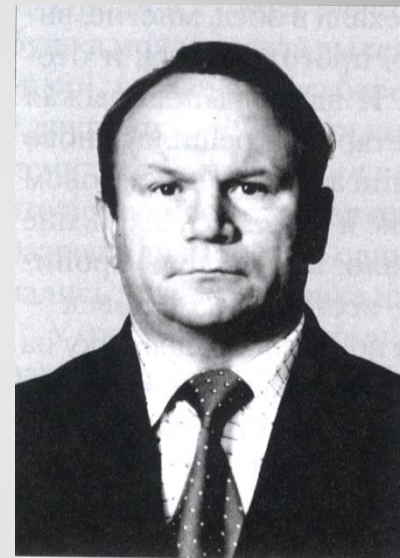
Могилы Татьяны Егоровны
Болезновой у храма

«Нельзя солдату наедаться»

Олег Иванович Якуничев родился в 1937 году в Павловской Слободе. Его мать – Татьяна Петровна (в девичестве Подгорнова) – была родом из Москвы, но после революции 1917 года и начала гражданской войны семья переехала в Подмосковье. Отец – Иван Николаевич Якуничев – в годы войны работал военпредом на артиллерийской базе, сдавал военную технику в ремонт на базу и отправлял отремонтированную на фронт. До 1949 года он работал на базе, затем был направлен на Дальний Восток, где и остался.

С октября 1941 года начались систематические бомбежки села. В огороде устроили небольшое укрытие, в котором часто пережидали пролет самолетов, а порой и бомбежки. Село стояло прямо на пути бомбардировщиков, которые сбрасывали страшный груз на мост через реку Истру, железнодорожную станцию и артиллерийскую базу. Не было четких ориентиров и бомбы падали на дома мирных жителей. В конце октября семья вынуждена была спасаться у родных в деревне Козенки, была опасность, что пострадает дом во время намеченного подрыва базы.

После эвакуации из села основного населения наблюдались случаи мародерства, некому было поддерживать порядок. Лишь по мере продвижения военных действий на запад, в село стали возвращаться жители. По примерным подсчетам Олега Ивановича, в 1945 году в Павловской Слободе насчитывалось более двухсот детей в возрасте от 6 до 15 лет. Недалеко от дома Якуничевых расположился штаб дивизии, среди военных были и полковники, их кормили хорошо. Иногда детям от них перепадала конфета или шоколад. «А солдаты, вспоминал Олег Иванович, - наоборот всегда были голодные. Бабушка варила в большом чугуне щи, картошку и потихоньку их подкармливала. Увидели это командиры и возмутились, мол, ни в коем случае нельзя солдату наедаться, вдруг завтра в бой!»

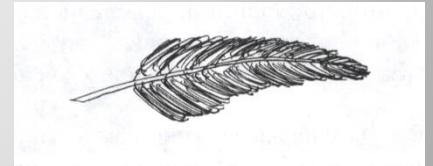

*Олег Иванович
Якуничев*

«Нельзя солдату наедаться»

Мать Олега – участница трудового фронта. В годы войны рыла окопы вокруг Москвы, строила блиндажи и другие защитные сооружения, валила лес. За свою жизнь она с 16 лет проработала почти 61 год: сначала в сельпо учетчицей, затем на кожгалантерейной фабрике с 1953 по 1981 год, три года на общественных началах помогала газифицировать дома в Павловской Слободе.

Начальную школу Олег Иванович окончил в 1946 году. Классным руководителем Зинаида Георгиевна, жена врача Алексея Леонтьевича Михайлова. По окончании четырех классов их перевели в двухэтажную среднюю школу на улицу Луначарского. После школы проработал год учеником токаря на московском заводе, затем поступил в пищевой институт. Играл в футбол: с 1954 года за базу, с 1959 года – за истринский «Спартак». По окончании института трудился в объединении «Пищемаш», затем главке «Союзглавпищекомплект» при Госснабе СССР. В 1997 году вышел на пенсию, два года занимался предпринимательством. Вырастил дочь и двух внуков.

Александр Николаевич Гольцев,
Методист Павло-Слободского КДК

«Пятилетние дети считались взрослыми»

Родилась я в январе 1942 года, жили в эвакуации в Хабаровском крае. В феврале того же года отца забрали на фронт оборонять Москву. А мы вскоре поехали в Башкирию к бабушке. В поезде ехали три месяца, постоянно пропускали воинские эшелоны, идущие на фронт. В пути у нас украли продукты, хорошо хоть вещи не тронули. Помогали солдаты: давали пассажирам сухарей. Доехали до Башкирии, а там ситуация тяжелая: семья большая, пора сажать картошку, а семян нет. Продали вещи, чтобы купить семенной картофель. Появилась надежда на будущий урожай. Мама работала в колхозе, но почти ничего на трудодни не получала. День в поле, а ночью ходила караулить трактора, чтобы не растащили на запчасти, да не сливали топливо. Самыми тяжелыми были военные 1942 и 1943 годы. Печки днем не разрешали топить, только ночью, пока лежит роса – боялись пожаров.

Со временем потихоньку начали обзаводиться хозяйством. Закончилась война, дед нас водил в лес собирать орехи и лесную клубнику. Осенью 1946 года пришел из армии папа. Тогда стало легче. Мне исполнилось 4 года, дальнейшие события уже помню сама. Папа привез нам и матери алюминиевые гребенки. Игрушек у нас не было. Лишь иногда мама шила мне тряпичных кукол. Чуть позже источником новых ощущений для детей стал приезжавший иногда старьевщик с глиняными свистульками и другими незатейливыми игрушками. Это и было для детей счастьем. С восьми лет я пошла в школу. За три километра от дома нас с сестрой провожал старший брат. Отец был охранником в колонии, а затем уволился из армии и пошел работать на железную дорогу. Для жилья предоставили место в бараке, построенным из шпал.

*Лана Дмитриевна
Свистунова*

«Пятилетние дети считались взрослыми»

Летом все дети бегали босиком, а в другое время года дед плел лапти, чтобы быстро не изнашивались, к лаптям подшивали резину. Весной колхозники перепахивали поле, дети собирали гнилую мороженую картошку, из нее добывали крахмал, добавляли к муке, и пекли лепешки. Отцу выдавали паек, кое-как удавалось питаться, а мама рационально относилась ко всему, умела экономить. Распределяла продукты на весь период до следующего получения пайка, поэтому мы меньше других питались лебедой, хотя тоже приходилось. Пятилетние дети считались взрослыми, им давали почти любую работу: мыть посуду, работать в огороде, ухаживать за скотиной, стирать белье, убираться в доме. С каждой коровы, с каждой овцы, с каждой курицы надо было отдать натуральный налог. За этим строго следили. Вместо того чтобы детям скатать валенки к зиме, всю овечью шерсть сдавали государству.

В 1953 году умер Сталин, я училась в 3 классе. Все плакали, сидели, слушали радио, не знали, что будет дальше. Брат ушел в армию, родились сестра и братишка. Уже работала старшая сестра, другой брат, окончив четыре класса, начал работать помощником киномеханика, ездил с передвижной установкой по району. Изредка на разъезд приезжала автолавка, что-нибудь из промтоваров привозили и делили на всех. Говорили: «У вас три девочки, хотя бы одной на платье кусок шпателя». Остальные донашивали за старшей сестры. Уже и обувь появилась – боты «Прощай молодость».

«Пятилетние дети считались взрослыми»

В 1959 году родственники позвали меня на Урал, где было много заводов. Приехала в сентябре, а восемнадцать лет только в следующем году в январе: на завод не брали. С трудом устроились в цех, где делали ракеты, промывать детали металлической ртутью. Очень вредные условия труда, работали лишь в масках, полоскали в ртути, а оформили нас как кочегаров. В мае приехали и папа с мамой. Я ушла на швейную фабрику и без отрыва от производства окончила трехгодичные курсы, получив диплом швей-мотористки и мастера пошива мужской и женской верхней одежды. В 1963 году вышла замуж и вскоре переехала с мужем в Подмосковье, где после долгих мытарств, проработала в различных организациях до выхода на пенсию.

Лана Дмитриевна Свистунова,
жительница села Павловская Слобода.

Воспоминания записал Александр Николаевич Гольцев

«На санках в железном корыте»

Родилась я в 1937 году в Павловской Слободе. О начавшейся войне наиболее яркое воспоминание, как меня с маленьким братом мама везла на санках в железном корыте во время эвакуации в Павшино к родственникам. Через несколько месяцев семья вернулась домой. Жили мы в то время в доме № 4 на улице Ленина. Отец умер перед войной в апреле 1941 года, мама работала в разное время в пекарне, в ресторане, на кожгалантерейной фабрике, а в молодые годы – в колхозе на тракторе.

Я окончила десять классов, поступила в железнодорожный техникум и пять лет работала в Москве на складе станции Белорусская. После этого вернулась в Павловскую Слободу и устроилась счетоводом-кассиром в сельском совете, который тогда возглавлял Роман Иванович Швайковский. Затем трудилась бухгалтером, главным бухгалтером, всего отработала в сельском совете 21 год. Воспитала троих детей и четверых внуков.

Зинаида Ивановна Мельникова, жительница села Павловская Слобода
Воспоминания записал Александр Николаевич Гольцев

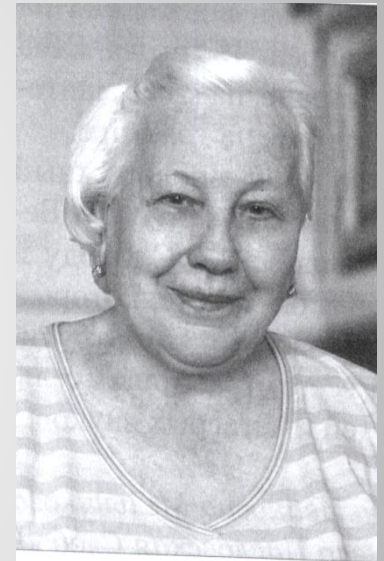

Зинаида Ивановна Мельникова с правнуками

«Четыре кусочка сахара»

Я родилась 7 сентября 1937 года в городе Красный Холм Калининской (ныне Тверской) области. Это небольшой городок на возвышенности, разделен речкой Могоча. Дом наш находился на окраине. Рядом была тюрьма (во время войны ее перевели в другой город), а за ней – заросшие травой поля и оставшийся под снегом неубранный урожай картофеля. Весной 1942 года, как только сошел снег, жители соседних домов копали эту гнилую мерзлую картошку. Но и это запрещалось, в земле могли быть неразорвавшиеся снаряды. Мама работала в госпитале, ведь в это время все школы использовали для лечения раненных бойцов. Отец ушел на фронт с самого начала войны, так до ее конца не виделся с семьей. Письма приходили, но очень редко. Он служил танкистом. Большую часть времени находился на передовой, был ранен, контужен. После войны он плохо слышал, изредка, лишь подвыпивши, начинал вспоминать о войне, наливал рюмку за друзей. Слушать его рассказы без слез было невозможно.

Помню, когда он вернулся, отдал мне свою планшетку. С ней я ходила в школу вместо портфеля. Отец ушел на войну, кормильцем остался старший брат. В 14 лет он пошел работать учеником электрика на электростанцию. Днем работал, а вечером ходил помогать на мельницу, которая была в том же здании. Туда привозили из колхозов молотье зерно. Ночью, когда работа прекращалась, брат сметал мучную пыль с деталей механизмов. Ее добавляли в мерзлую после зимы картошку и мама пекла лепешки (мы их называли «чибриками») на печке буржуйке, которая стояла у нас посреди комнаты. Дети в это время стояли вокруг печки и с нетерпением ждали, когда же они испекутся. От голода кружилась голова, то один, то другой ребенок падали в обморок.

*Валентина Алексеевна
Чернова*

«Четыре кусочка сахара»

Летом в огородах не успевала вырасти крапива. Помню, как колоски собирали после уборки урожая, каждое зернышко поднимали с земли. Набирали их на кашу для маленьких, а старшие, не доедая, уходили на работу. И вот эти «чибрики», эта мучная пыль, смешанная с пылью дорожной, скрипящей на зубах, эта маленькая горстка зерен спасали нас от голодной смерти.

Голод был страшнее всего, даже воздушные тревоги переносились легче. Хорошо запомнился один из налетов фашистской авиации. Самолет долго висел на низкой высоте над тюрьмой совсем рядом с нашим домом, мама нас всех к себе прижала, накрыла нас всех одеялом, чтобы вместе погибнуть. Но тогда самолет так и не сбросил бомб, видимо, летчик увидел, что тюрьма пуста. Еще однажды вечером, когда было уже темно, к нам в дом зашли четверо солдат. Они должны были выкопать могилы для погибших на фронте бойцов. Запомнилось, как они сидели за столом, пили кипяток с хлебом, а нам отдали четыре кусочка сахара. Эти кусочки мы разделили на всех. Сейчас, когда я смотрю на кусочки сахара, вспоминаю события тех страшных лет. Я знаю цену куску хлеба и храню память о трудной године военных лет.

Валентина Алексеевна Чернова,
жительница села Павловская Слобода

Война прошла, а боль осталась.
Не забывается она...
Не детским страхом отозвалась,
Неся все беды на года
Когда сейчас нас собирают,
Чтоб о войне той рассказать,
Я вижу: слезы вытирают,
Что ненароком заблестят.
Не дай же Бог, чтоб повторилось
То время, горькая пора...
Она в страданье превратилась, -
Лишила детства нас война.
Мы рано очень повзрослели:
Трудились много, как могли.
И чаще, чем всегда, болели,
Что близких мы не сберегли.
Узнали, что такое голод.
И замерзали без конца.
Но, покидая родной город,
Мечтали: кончится война!
Не позабыты похоронки...
Чтоб почтальон минул наш дом...
И те бомбежки и воронки,
Что часто вижу перед сном.

***Выставка подготовлена
с использованием материалов Сергея Юрьевича
Мамаева, Александра Гольцева, Егора Комолова***

***С Уважением,
Архивный отдел управления делами администрации г. о. Истра***